

Н. Русова, В. Шевцов

«Не жалею, не зову, не плачу...»

Это стихотворение недаром стало любимой и популярной песней. Щемящее чувство прощания с молодостью и благословения уходящей жизни знакомо всем. Есенин к тому же метафорически окрашивает свою «прощальную песню» в тона всем нам знакомого и до страсти любимого среднерусского пейзажа — здесь и «дым белых яблонь», и «березовый ситец», и «половодье чувств», и «весенняя гулкая рань», и медные листья кленов.

Неотразимо захватывает читателя уже первая строчка стихотворения с трехкратным повтором отрицательных конструкций и усиливающимся семантическим оттенком прощания:

Не жалею, не зову, не плачу...

На фоне на редкость самобытных, неожиданных и в то же время понятных, близких и доступных метафор («золото увяданья», «буйство глаз и половодье чувств») достаточно свежо выглядит даже довольно-таки затасканный «пламень уст». Совершенно поразительно сравнение молодости, да и самой жизни, с весенним всадником на «розовом коне» (вспомним, кстати, появившуюся в это же время картину К. Петрова-Водкина «Купание красного коня» — знаменательное сходство образов). В эпитете «розовый» соединились и цвет зари, и радостные ожидания, свойственные юности («жизнь в розовом свете» и «розовые очки»), и оттенок нереальности происходящего, и многое, многое другое, как и всегда в подлинной поэтической находке. Этот розовый цвет в следующей строфе как бы переливается в «медь» кленовых листьев, и такой переход тоже неисчерпаемо богат семантически (назовем хотя бы ассоциацию с «медными трубами», через которые многим из нас приходится проходить).

Знаменательно, что поэт благословляет не прошлое, не жизнь, не молодость, а неопределенное «что-то», пришедшее «процвезть и умереть». Это «что-то» вбирает в себя только самые лучшие и светлые жизненные краски, действительно достойные благословения, и как бы отбрасывает прочь всё недостойное.

Общая интонация стихотворения, на редкость удачно лежащая на пятистопный хорей с начальными пиррихиями, дважды взрывается восклицаниями («Дух бродяжий!..» и «Жизнь моя!»), в которых ударение падает на первый слог. Эти восклицания не дают «застояться» элегической интонации, избавляют ее от унылости. Важно и то, что центральные три строфы построены как разговор автора с самим собой: здесь три последовательных обращения — к сердцу, «тронутому холодком», к бродяжьему духу и к собственной жизни.

Незаметная на первый взгляд, но прочная кольцевая композиция обеспечивается повторами в первой и последней строфах (в первой это уже упоминавшиеся нами глаголы, а в последней — «все мы, все мы в этом мире тленны...»), лексической переключкой «ВСЁ пройдет» в первой строфе и «ВСЕ мы» в последней, а также сходной семантической конструкцией строф: в первой строке — констатация факта, во второй — символическая деталь пейзажа, в третьей и четвертой — с одной стороны, формула прощания с молодостью, а с другой — формула благословения жизни:

Первая строфа

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Последняя строфа

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвезть и умереть.

Остается сказать о редкостной звуковой гармонии стихотворения, о его нарядной песенности. Почти каждая строчка инструментована определенными согласными (присмотритесь — и увидите); из гласных в первой строфе преобладает «а», во второй — «и», в третьей — «е», потом опять «а» и «е». Все вместе и делает стихотворение Есенина незабываемым, частью душевной жизни любого человека, который хоть раз его услышал.